Василий ГРИШАЕВ

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

Александр Черкасов родился 26 декабря 1834 года в городе Старая Русса Новгородской губернии, в семье горного инженера, управляющего содовым заводом, страстного охотника. Любовь к природе отец привил и всем трем своим сыновьям.

Для Александра эта любовь едва не кончилась трагически. Еще мальчишкой, в одном из первых самостоятельных походов, он провалился под лед и полтора года не вставал с постели, а потом еще долго ходил на костылях, но, к счастью, со временем выздоровел.

В 11 лет он был определен в институт корпуса горных инженеров, по окончании которого в 1855 году направлен, по собственному желанию, в Нерчинский горный округ.

Край отдаленный, снегами повитый,
Скорбью людскою, слезами облитый,
Правом гражданским, народом забытый,
Славою каторги в мире покрытый.

Так писал о нем сам Черкасов. Он провел в этом крае 16 лет — лучшие молодые годы. Служил в основном в золотоискательских партиях и на золотых промыслах, то есть в самых отдаленных, глухих уголках и без того глухого Забайкалья.

Единственным утешением, отдыхом, развлечением была охота, любовь к которой он унаследовал от отца.

«Все мое имение, — вспоминает Черкасов, — состояло из двух чемоданов с бельем и платьем, двух ружей с необходимыми принадлежностями и здоровенного лягаша Каштана... За плечами... никакой удручающей заботы, кроме неизбежной тоски по родине после прощания с обожаемыми мною родителями. Полнейшее одиночество, незнакомый суровый край, лязг кандалов, клейменные лица — все это давало себя знать на каждом шагу, и только силой воли и подавил тоску наболевшего сердца по родине и свыкся со всем окружающим, а богатая охота в крае мало-помалу помирила меня с окружающей обстановкой».

Скитаясь с ружьем по тайге, молодой, любознательный, к тому же простой и общительный горный инженер жадно слушал рассказы товарищей по охоте о повадках зверей и птиц, разные бывальщины; ночуя в крестьянских избах и дымных чумах «инородцев», наблюдая их быт, обычаи. Эти люди, вся жизнь которых была связана с тайгой и характер закален в борьбе с природой, искусные охотники и следопыты, восхищали Черкасова своим мужеством, душевной щедростью, всегдашней готовностью помочь товарищу в беде.

Пришло время, и Черкасов всей душою полюбил этот суровый край, его людей, его природу. А полюбив, захотел рассказать о нем другим.

Так, может быть, упрощенно представляются мне причины, побудившие скромного смотрителя золотого промысла сесть за книгу. Он назвал ее «Записки охотника Восточной Сибири», возможно, по аналогии со знаменитыми «Записками ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова, которые появились несколькими

годами раньше и, надо полагать, не прошли мимо его внимания.

Фрагмент «Записок» был опубликован (правда, без подписи) в 1866 году в майском номере некрасовского «Современника». Подписи не было по той простой причине, что «коронносслужащему» на такую публикацию полагалось испрашивать позволение начальства, а оно вряд ли бы позволило: журнал-то был крамольным!

Но и анонимный отрывок, по существу, не увидел света. В апреле 1866 года по «высочайшему повелению» издание «Современника» было прекращено и готовый уже майский номер конфискован. По свидетельству краеведа Е. Д. Петряева, единственный его экземпляр теперь имеется лишь в библиотеке Пушкинского Дома в Ленинграде.

В 1867 году «Записки охотника Восточной Сибири» вышли отдельной книгой в Петербурге, в издательстве С. В. Звонарева. Об этом издателе известно, что он без совета и рекомендации Н. А. Некрасова ничего не предпринимал. Таким образом, можно считать, что литературный дебют забайкальского горного инженера состоялся под покровительством Н. А. Некрасова.

«Записки охотника Восточной Сибири» и современники писателя, и позднейшие исследователи его творчества ставят в один ряд с «Записками» С. Т. Аксакова. Его называют «Сибирским Аксаковым» (Е. Д. Петряев). А виднейший русский охотовед Д. К. Соловьев даже отдает Черкасову предпочтение на том основании, что у Аксакова рассказывается лишь о птицах, а у Черкасова — практически обо всех обитателях тайги, имеющих промысловое значение. «Книга представляет несомненный интерес для многих и сегодня, особенно описание жизни зверей и охоты на них», — отмечает народный писатель Казахстана М. Д. Зверев.

Но эта книга не только о зверях, птицах и способах промысловой охоты на них. Она содержит богатые сведения о прошлом Забайкалья, культуре, быте, обычаях его населения.

Известно, что каждая книга — отражение личности автора. Вот как отзывается о Черкасове один из его товарищей:

«Его доброта, отзывчивость ко всему честному, хорошему, ширина воззрений, добродушный и в то же время мягкий юмор делали то, что все, кто бы ни приходил с ним в соприкосновение, становились его друзьями».

Он же приводит такой факт, что каторжники, даже пожилые, работавшие на промыслах под началом Черкасова, называли его отцом. Доброта, трогательная готовность помочь ближнему были в нем с детства. Недаром в институте товарищи дали ему прозвище «мамка». А еще они называли его «Самсоном» — из уважения к богатырскому росту и недюжинной силе.

Духом доброты, сострадания к униженным и оскорбленным веет со страниц этой необычной книги. Она написана в лучших демократических традициях русской литературы.

Одним из главнейших ее достинств является великолепный русский язык.

«В лице Черкасова, — отмечает писатель Марк Сергеев, — счастливо сочетались качества тонкого наблюдателя с подлинным литературным талантом. В результате, не будучи профессиональным охотником и профессиональным писателем, он создал превосходное произведение, стоящее в одном ряду с «Записками» С. Т. Аксакова».

Убедительным подтверждением сказанных слов является то, что даже теперь, спустя столько лет после выхода, «Записки охотника Восточной Сибири» включены в число основных источников академического «Словаря современного русского языка».

Книга еще в прошлом веке вышла на немецком (1886), дважды на французском (1896, 1899) языках, а в нашей стране она издавалась уже шесть раз, причем четырежды — в советский период. Последнее издание вышло в 1987 году в Иркутске, в серии «Литературные памятники Сибири».

Как видим, Александра Черкасова нельзя назвать забытым писателем. Забытым он оказался только на Алтае, и забытым незаслуженно. Попробую это доказать.

Черкасов служил в Забайкалье до 1871 года, служил успешно: был награжден тремя орденами, вырос от прапорщика (младшего лейтенанта) до майора (надворного советника), а за открытие Угрюмских золотых россыпей «всемилостивейше пожалован» пожизненной пенсией в размере 1200 рублей в год. (Сумма по тем временам немалая, она превышала годовой оклад его жалованья.) Женился на дочери забайкальского казака, стал отцом трех детей (потом родились еще четверо).

В конце 1871 года Черкасов был переведен в Алтайский горный округ* на должность заведующего Салаирскими рудниками, чертежной, пробирной и Бачатской каменноугольной копью, но уже через год назначен управляющим Сузунским медеплавильным заводом, где и прослужил почти 11 лет.

Сузунский завод был построен в 1765 году. До 1844 года при нем существовал Монетный двор, где чеканилась сначала так называемая сибирская медная монета (имевшая хождение только в Сибири), затем общероссийская.

После отмены крепостного права горнозаводское производство Алтая, державшееся на подневольном дешевом труде, быстро покатилось к упадку. Не избежал этой участи и Сузунский завод. Так, если в 1871 году здесь было выплавлено 37656 пудов меди, то в 1883 — всего 14015.

4 ноября 1882 года, незадолго перед увольнением, Черкасов докладывал начальнику округа, что встречает крайнее затруднение в рабочей силе, что нет никакой возможности пустить завод на полный ход. «Работные люди, несмотря на осеннее время, не только не прибывают, но и убывают с каждым днем, чему причина — хорошие заработки на крестьянских страдах.

* Кстати, несколько позже на Алтае, в должности управляющего Павловским сереброплавильным заводом, служил его младший брат Аполлинарий Александрович.

Завод имеет 40 (основных) рабочих вместо 55 и вспомогательных — 33 вместо 42».

Алтайские заводы, процветавшие при крепостной системе, теперь стали убыточными. Они безнадежно отстали и в техническом отношении. Основу «механизации» здесь по-прежнему составляли лениво вращавшиеся водяные колеса (на Сузунском заводе при Черкасове их было четыре), ставшие в других местах уже музейной редкостью. Кончилось тем, что в 1893 году Барнаульский, Павловский, Локтевский, а в 1897 году Гавриловский сереброплавильные заводы были закрыты. Сузунский же завод просуществовал до 1914 года.

Но вернемся к литературной деятельности Черкасова. В 1883 году он вышел в отставку в чине статского советника (соответствует полковнику) и переселился в Барнаул, где прожил семь лет, из них пять был городским головой.

В эти годы и даже несколько раньше начался второй период его творческой деятельности, даже более активный, чем забайкальский. Начиная с 1883 года в журнале «Природа и охота» один за другим появляются его рассказы и очерки о годах нелегкой службы в Забайкалье, встречах с интересными людьми и, конечно, об охоте: «Сломанная сошка», «Ултума», «Угрюм» (все три написаны в Сузуне, остальные в Барнауле), «Подъездная охота в Сибири», «Бальджа», «Зерентуй», «Шахтама», «Кара». В 1886 году в журнале «Русский вестник» публикуются очерки «В Кадаче» и «Разбойник».

В Барнауле Черкасов начинает писать и мемуарные записки. Воспоминания его о некоторых эпизодах кадетской жизни в институте были опубликованы в 1887—1888 годах в малоизвестном и недолговечном журнале «Охотник».

Не обошел он вниманием и алтайскую тему. В журнале «Природа и охота» увидели свет его очерки «Федот» (1886) и «А. Брем» (1887) — о посещении Барнаула знаменитым немецким натуралистом.

В это же время он дорабатывает «Записки охотника Восточной Сибири». В 1884 году они выходят в Петербурге у А. С. Суворина, известного журналиста и издателя.

Завидная работоспособность, не правда ли? Особенно если учесть, что занятия творчеством ему приходилось совмещать с довольно хлопотными обязанностями управляющего заводом и городского головы, да еще со страстным увлечением охотой, тоже отнимавшей немало сил и времени.

В 1890 году из-за необходимости учить детей Черкасов переезжает в Екатеринбург и здесь приступает к работе над записками о виденном и пережитом за 19 лет службы на Алтае.

В марте 1893 года он предложил эти записки, скромно назвав их статьей, А. С. Суворину для журнала «Исторический вестник». Суворин поставил об этом в известность редактора «Исторического вестника» С. Н. Шубенского.

«Черкасов — очень талантливый человек. Я издал целую книгу его. Думаю, что он и теперь написал интересно. Напишите ему в Екатеринбург».

Но «статья» не подошла для журнала ни по размерам, ни по профилю. Тогда Черкасов отдал ее в журнал «Природа и охота», где она под заголовком «Из записок сибирского охотника» и была опубликована в том же 1893 году в июльском—октябрьском номерах.

Но быстро — еще не значит хорошо.

«Глубоко сожалею, — жаловался Черкасов Суворину, — что в статье «На Алтае» редакция и цензура сделали много выпусков, весьма интересных, и в общем изгадили весь труд, потерявший связь в рассказе».

Но и в таком виде записки «На Алтае» и другие работы Черкасова пользуются большим спросом у читателей.

«Почти все мои рассказы, — пишет он Суворину, — идут о Сибири и знакомят читателя с этой страной во многих отношениях, а охота часто служит только канвою... Мои статьи охотно читаются... даже прекрасным полом, а в Екатеринбурге «поиском ищут» этих рассказов. Многие знакомые и незнакомые прожужжали мне уши: почему я не издам все, помещенное в журналах, особой книгой...

А хорошего издателя найти не могу. Не поможете ли мне в этом?..»

Не совсем ясно, почему с такой просьбой он обращается именно к Суворину? Ведь тот сам был издателем!

К сожалению, довести начатое дело до конца Черкасов не успел. Роковую роль в этом сыграло, видимо, то, что в октябре 1894 года он и в Екатеринбурге был избран городским головой. Но не пришелся ко двору местным толстосумам. Начались интриги, сплетни, травля. Через два месяца легко ранимый Черкасов заявил об уходе в отставку, но тут ему нанесен был последний удар: 24 января 1895 года он получил по почте грязный анонимный пасквиль, оскорбляющий честь его и семьи. И сердце не выдержало. Александр Александрович Черкасов скончался тут же, за столом, зажав в кулаке анонимку...

Его хоронил весь город.

Но последовавшие бурные годы оказались не лучшими для сохранения памяти о людях, подобных Черкасову. (Примеров тому немало и у нас на Алтае.) Могила его затеряна. Архив исчез. Исчезла и рукопись записок «На Алтае». Нам остается довольствоваться журнальным вариантом, тем самым, который, по словам Черкасова, «изгадили» редакция и цензура.

Выше я довольно подробно и со ссылкой на авторитеты рассказывал о достоинствах «Записок охотника Восточной Сибири». Возможно, кто-нибудь даже подосадовал: зачем так распространяться о книге, не имеющей отношения к Алтаю?

Делал я это с умыслом. Чтобы вот сейчас сказать, что очерки об Алтае ни в чем не уступают «Запискам охотника Восточной Сибири». Ни по языку, ни по богатству содержания. Такое мнение высказывают те немногие исследователи, которые знакомы с ними (М. Д. Сергеев, Е. Д. Петряев). Хочется надеяться, что к этому мнению присоединятся и читатели журнала «Алтай», который предполагает начать публикацию этих записок с 1993 года.